

**Страничка из «Холостяцкой хроники»
герцогини Холлиндрейк**

Томас Дэшуэлл.

Капитан «Цирцеи». (Как говорят: капер. Хм! Скорее всего пират.)

Родился в Америке. (Что делает его совершенно не подходящим для того, чтобы украсить собой эти страницы, но моя кузина Пиппин настояла, чтобы я его включила.)

Настоящее местонахождение: на дне морском, будь моя воля.

Примечание. Капитан Дэшуэлл, пройдоха, каких мало, и место ему в тюрьме, о чем я часто говорила кузине. Боюсь, Пиппин увлеклась им еще больше, чем прежде; я должна найти ей подходящего мужа, пока она не забыла об осторожности и не натворила глупостей.

Добавлено 4 июня 1814 года: окаянный мошенник сбежал из тюрьмы. Хуже того, подозреваю, что Пиппин приложила к этому руку, и это ее погубит. Если бы только она вышла замуж за кого-нибудь респектабельного...

Добавлено 7 июня 1814 года. Слава богу, Пиппин вышла замуж за лорда Госсетта. Дэшуэлл бежал из Англии. Оно и к лучшему. Во всяком случае, остается на это надеяться.

Глава 1

Лондонский порт, 1837 год

Филиппа, виконтесса Госсетт, следовала в карете по заполненному людьми порту к «Регине», недавно спущенному на воду военному кораблю, который вот-вот обретет капитана.

Им станет ее сын.

Леди Госсетт вздрогнула от безудержной гордости, которую она не должна показывать. Сыну это не понравится. Серьезный и решительный, благородный и до мозга костей британец, Джон, нынешний виконт Госсетт, которого скоро назовут капитаном Госсеттом, не одобрит энтузиазма матери из-за его продвижения по службе.

Так что она оставила восторги по поводу его достижений газетным заголовкам.

Самый молодой капитан — ему немного за двадцать. Самый храбрый офицер в королевском флоте.

Герой «Кадмуса», спасший своей смелостью все сто пятьдесят душ.

Леди Госсетт вздрогнула. Как Джон в тот день походил на своего отца! Безрассудный. Дерзкий. Отважный. Он прыгнул в штормившее море и поплыл к качавшемуся на волнах кораблю. Едва не утонул, но в конце концов он выбрался из ледяной Атлантики, улыбаясь, как безумец.

Слишком похож на отца, размышляла леди Госсетт.

Тогда она в последний раз видела сына таким — вскоре ее муж внезапно умер, и в тот же день была похоронена беззаботность Джона.

Обязанности наследника, ответственность за людей, благополучие которых теперь зависело от него, соперничали с его главной любовью — морем. Новые заботы сковали душу Джона, сделав его суровым и чересчур правильным.

Впереди показался корабль.

— Вот она, миледи, — повернулся к ней лейтенант, ждавший ее карету. — Правда, «Регина» красавица? Она составит серьезную конкуренцию хваленым американским клиперам.

— Да, именно так.

Виконтесса любезно улыбнулась, когда лейтенант подал ей руку, и по трапу поднялась на палубу, где ее ждал сын вместе с адмиралом Фархемом и несколькими высокопоставленными офицерами флота.

Джон улыбнулся было матери, но потом заметил ее платье. Его губы сжались в упрямую, нет, неодобрительную линию.

— Мадам, — сказал он, взяв ее за руку, — почему вы сняли траур?

О да, Джон этого не пропустил бы. Накрепко скованный рамками добропорядочности и приличий, сын заметил ее выбор. Платье было сиреневого цвета, фасон вполне в рамках почтительной печали.

Но тем не менее оно весьма отличалось от черных нарядов, которые леди Госсетт носила после смерти мужа.

— Силы небесные! Джон, — покачала головой его сестра Вирджиния, взяв мать под руку. Она и ее муж, граф Клермонт, прибыли немного раньше и уже за-

няли почетные места. — Отец уже два года как умер, а мамино платье ни в малейшей степени... — начала она, но не было времени продолжать дискуссию.

«К счастью», — подумала леди Госсетт.

Именно в этот момент к ним шагнул адмирал Фархем и поднес к губам руку виконтессы.

— Леди Госсетт, вы сегодня очаровательны.

Старомодно галантный адмирал все еще считал себя повесой, каковым был в молодости, и леди Госсетт почувствовала, как выпрямился ее сын от фамильярного тона Фархема.

Что нынче случилось с молодыми людьми, почему они так не одобряют манеры родителей? Казалось бы, британцы с новой юной королевой¹ должны наслаждаться жизнью, как это бывало прежде, вместо того чтобы вытягиваться во фронт.

— Милорд адмирал, — леди Госсетт старалась высвободить пальцы, но мало в том преуспела, — я весьма рада снова видеть вас, и на таком знаменательном событии.

— Ах да, миледи, это просто превосходно. — Он подмигнул ей так, словно у него на этот день были и другие планы.

— Как поживает леди Фархем? — после небольшой паузы поинтересовалась виконтесса. — Все еще в Лондоне или уже переехала в Бристоль до конца лета? Я с ней целую вечность не виделась и должна написать ей полный отчет об этом дне.

При упоминании о жене, державшей его в страхе, адмирал отпустил руку леди Госсетт, и она скромно сложила перед собой обе руки, как подобает безупречной матроне, но прежде взглянула на сына,

---

¹ Королева Виктория взошла на престол в июне 1837 года в возрасте 18 лет.

словно спросив: «Ну, это достаточно прилично и достойно?»

Джон глянул на нее так, будто хотел отчитать, но виконтесса усомнилась, что у ее безупречного сына появится такая крамольная мысль.

— Превосходного моряка вы вырастили, миледи. — Адмирал похлопал Джона по спине, радуясь возможности сменить тему и не говорить о жене. — Весь в отца, не так ли?

— Да, — ответила виконтесса.

— Яблоко от яблони недалеко падает. — Густые бакенбарды адмирала задвигались. — Госсетт был настоящим яхтсменом, правда?

— Да, милорд. Он любил море, — ответила она, отведя взгляд при упоминании о муже.

Его образ вспыхнул в ее памяти. Идиллические дни на побережье, играющие на берегу дети, звенящий над волнами смех. И Brent, улыбающийся ей поверх детских головок. Любовь светится в его глазах.

Им хорошо было вместе, пока... пока...

— Начнем, лорд Госсетт? — спросил адмирал.

Джон кивнул и двинулся на корму.

Церемония началась. Команда стояла по стойке «смирно» на нижней палубе, повсюду слонялись репортеры, зрители заполнили причал, и лорд Госсетт, обожаемый герой Англии, стал капитаном Госсеттом. Адмирал все говорил и говорил — Фархем любил звук собственного голоса, — и внимание леди Госсетт рассеялось.

Ее взгляд бродил по палубе корабля и причалам.

Она пыталась сосредоточиться, но, увы, Фархем был большим занудой, а ветер принес сегодня на реку соленый запах моря. Пусть другие недовольно прикрывают носы, но леди Госсетт любила море.

В какой-то безумный миг ей захотелось уплыть с Джоном на корабле к горизонту, к тайнам, которые скрываются за ним.

Подальше от Лондона, от аккуратных английских лугов.

Легкий ветерок пробрался в ее волосы, чинно убранные под шляпку, и дразнил ее, как искушающий поцелуй возлюбленного. Как шепот из ее прошлого.

Это напомнило жизнь, давно исчезнувшую, и она больше не была леди Госсетт. И даже не леди Филиппа Ноулз, как звали ее до замужества. Нет, когда море шепталось с ней, она была Пиппин — прозвище ее юности, — девушкой, которая рискнула слишком многим...

Рискнула всем...

Сосредоточив взгляд на собственных перчатках, виконтесса сказала себе, что следует выглядеть восхищенной матерью, но что-то внутри, что-то давно забытое, рвалось на свободу.

«Помнишь, Пиппин, — нашептывал ей голос. — Помнишь меня?»

Она заморгала...

Она не на палубе нового корабля Джона, а на морском берегу. Ночь. Звезды обольстительно подмигивают волнам, шумящим у ее ног.

«Идем со мной, Цирцея...»

Вздохнув, леди Госсетт стряхнула наваждение и вглядывалась в лицо Джона. Но скоро ее взгляд снова заблуждал, на сей раз по плотной толпе, собравшейся в порту посмотреть на торжественное событие.

В поисках убежища от своих воспоминаний виконтесса разглядывала людей, простолудинов и благородных, пока ее взгляд не остановился на оди-

ноком моряке наверху огромной стены из ящиков. Было невозможно его пропустить — по крайней мере ей, — из-за ярко-красного шарфа, повязанного вокруг головы. А может, из-за завязанных в косичку волос. Или из-за загорелого лица над белоснежной рубашкой, или из-за высоких сапог и бриджей, которые делали его больше похожим на пирата прежних лет, чем на обычного моряка.

Он тоже увидел ее, его взгляд сосредоточился на ней одной. Их глаза встретились... казалось, разверзлись между ними океан, его небрежная улыбка звала бы пересечь его.

«Пиппин, помнишь меня?»

«Да, — хотелось крикнуть ей, — Помню».

Моряк лихо отсалютовал ей, подмигнул — она готова была в этом поклясться, — спрыгнул со своего насеста и исчез в толпе.

— Нет, — прошептала она. — Нет! — уже громче вырвалось у нее.

Достаточно громко, чтобы остановить напыщенную речь адмирала. Все повернулись, изумленно глядя на леди Госсетт, столь непристойно и неуместно прервавшую церемонию.

Она чуть покачнулась назад, та дрожь, та опасная страсть, которую она много лет назад запечатала надежнее, чем бочонок с порохом, вспыхнула вновь.

Как это могло быть? Как он мог оказаться здесь?

Потом леди Госсетт сделала этот день совсем незабываемым — она рухнула на палубу.

«Возможно, жаркое солнце стало причиной обморока леди Госсетт», — написала на следующий день одна газета. «Или волнение и материнская гордость», — предположила другая.

Оба репортера ошиблись.

Леди Госсетт потеряла сознание по одной-единственной причине. С палубы «Регины» она увидела свое прошлое.

Она увидела призрак.

Двадцать семь лет назад
Гастингс, 1810 год

Капитан Томас Дэшуэлл в темноте пробивался сквозь прибой и волоком тащил к берегу баркас с пассажирами. Мокрый по грудь, продрогший до костей, он должен довести дело до конца.

Он заберет золото, высадит пассажиров и убежит из Англии.

Он не питал иллюзий, что получит все золото, что ему должны, но надежда умирает последней. В конце концов, он не ожидал, что этот рейс займет двое суток. Лишний день лучше было бы потратить на дорогу домой с полным трюмом французского бренди и шелков.

На дорогу к хорошей прибыли.

В сапогах хлюпала вода, затрудняя шаг, но он уже почти добрался до скалистого берега.

Сделав глубокий вдох, Дэш сильнее налег на трос. Не надо было браться за эти незаконные рейсы, как любил ему напоминать его первый помощник, мистер Харди, но он не мог устоять против щедрой платы, которую англичане сулили за доставку своих агентов с континента, и занимался контрабандой прямо под носом у Бонапарта.

Дэш усмехнулся. Ему нравилось показывать кукиш задиристым французам и получать английское золото за молчание. Много золота.

Ах да, золото. «Странно, — подумал он, — я налегаю на трос сильнее, но нисколько не продви-

нулся». В этот момент один из моряков прыгнул в воду и протянул ему руку. Дэш нахмурился, он приказал команде оставаться на баркасе и головы не высовывать, чтобы не накликать беды.

Как это было вчера.

Дэш оглядел скалы, с которых королевская милиция обстреляла пляж, когда они пытались высаживать пассажиров. Напыщенные болваны загнали пули в песок и наверняка провели ночь в местной таверне, бахвалясь, как они обратили в бегство «проклятого контрабандиста».

Пришлось отойти всего лишь за пределы досягаемости, ответил бы им он. При всей любви к риску Дэш не имел никакого желания умереть, но он никогда не оставлял работу незаконченной.

И всегда забирал плату.

Рассмеявшись, Дэш в последний раз налег на трос, и вскоре баркас ткнулся в камни.

Пока дела идут неплохо.

Но, подняв глаза, Дэш вместо обычно встречавшего его лорда Джона Тремонта, известного посвященным под именем Безумный Джек, обнаружил эту старую ведьму, леди Джозефину, его тетушку.

Черт! Скверное предзнаменование.

— Разрази меня гром, если это не старая дама собственной персоной, — пробормотал он, сдергивая шляпу и низко кланяясь. Дэш надеялся, что поклон немного ее очарует. В конце концов, ее считают покойницей. — Как я вижу, известие о вашей смерти было преждевременным. — Он наклонился к ней ближе. — Или дьявол вышвырнул вас из ада?

Как Дэш и рассчитывал, ирландское обаяние, унаследованное им от матери, сослужило ему добрую службу.

Леди Джозефина широко улыбнулась и обняла его.

— Дэш, ты неисправимый и несносный мальчишка.

— Другим я вам и не нужен. — Он быстро выскользнул из ее коварных объятий, пока она не успела очистить его карманы. Хотя леди Джозефина и урожденная герцогиня, она могла посрамить своим мастерством лучших карманников из трущоб Севен-Дайалс.

Снова Дэш оглянулся в поисках Джека, но, к его изумлению, рядом с леди Джозефиной стояли две девочки, их распахнутые глаза и напряженные позы свидетельствовали, что в отличие от их компаньонки у них опыта в подобных делах нет.

— А это еще кто?

Дэш подмигнул высокой стройной девушке, стоявшей справа от леди Джозефины, и будь он проклят, если она не зарумянилась, как невинная крошка. Как будто ее никогда не целовали.

Что же, он может заняться этой проблемой. Дэш двинулся к девушке, чтобы получше рассмотреть ее, но его быстро остановили.

— Не трогай ее, Дэшуэлл, — пригрозила леди Джозефина. — Она не про тебя. Предупреждаю, я научила их обеих стрелять.

— Миледи, вы ранили меня в самое сердце. — Он прижал руку к груди, а его взгляд снова метнулся к высокой девушке. И правда, в ее дрожащей руке зажат пистолет.

Девчонки с пистолетами и тетя Джозефина, воскресшая из мертвых? Дэш, пожалуй, предпочел бы встретиться с береговой охраной... Хотя у охранников нет чудесных белокурых волос и сладких губок, ждущих поцелуя.

Леди Джозефина, словно прочитав его мысли, снова начала ворчать и придирааться, отчасти подтверждая его теорию, что дьявол выставил-таки ее из загробного мира.

— Хватит болтать чепуху. — Она помахивала пистолетом, словно веером. — Сейчас же высаживай пассажиров!

Да, дьявол, видно, любит приказы не больше, чем он.

— Томас Дэшуэлл, почему ты не сделал это вчера ночью? Будто тебе не заплатят!

Дэш фыркнул. Он хорошо усвоил, что англичане тяжело расстаются с деньгами. А леди Джозефина и ее скупердяй-муженек — еще хуже.

— Вы получите груз, когда я получу свое золото.

Леди Джозефина кивнула на груды выброшенных на берег деревьев, к которым был привязан мул.

Усмехнувшись, Дэш тут же оказался рядом с мулом и раскрыл первый мешок. Еще не запустив в него руку, Дэш знал о содержимом.

Золото. Много золота.

Харди обычно говорил: «У капитана на него нюх». Была в этом своя правда. И сейчас ноздри Дэшуэлла наполнял аромат недавно отчеканенных гиней. Тут достаточно желтых кругляшков с профилем короля Георга, чтобы осчастливить даже сурового мистера Харди. Удовлетворенно кивнув, Дэш свистнул тихо и нежно, как морская птица.

Сидящие в баркасе подняли двух мужчин со связанными за спиной руками, перерезали веревки и быстро толкнули пленников за борт.

Дождались, думал Дэшуэлл, глядя, как англичане торопятся к берегу. Его пассажиры вчера были не слишком довольны, когда он отложил высадку, спасая себя и команду.

Отвязав мула, Дэш повел его к баркасу. Все шло гладко, пока они не подошли к камням, где поскрипывал баркас и набегали волны. Тут мул показал свой истинный характер и заупрямился.

Девушка, которую Дэш заприметил раньше, подошла и, взяв поводья, поглаживала мула и что-то тихо приговаривала, пока он не успокоился. Дэш занялся золотом.

— А вы хорошенькая, — на бегу бросил он через плечо. Команда помогала ему, торопясь забрать золото и убраться с этого сомнительного свидания.

— У вас есть имя? — спросил Дэш, вернувшись за последним мешком. Вблизи он хорошо разглядел скромный вырез ее платья, ее застенчивый взгляд и то, как она прикусывает губу, не зная, говорить ли с ним.

Внезапно его осенило, кто она.

Зачем, черт побери, Джозефина впутала в это сомнительное дело леди, да еще чуть ли не школьницу?

— Что? Нет имени? — не унимался Дэш, подходя ближе, поскольку никогда не встречал приличную леди. Он, конечно, не брал в расчет Джозефину, поскольку та ругалась, как матрос, играла на деньги и интриговала.

Сделав еще шаг, он уловил легкий запах роз. Нежный и тонкий, но от него Дэша охватило такое желание, которого он никогда не испытывал.

«Осторожнее, Дэшуэлл», — предостерег он себя. Если милиция его не пристрелила, то Джозефина это сделает.

— Как вас зовут, милая?

Ведь в простом вопросе нет никакого вреда?

Девушка сжала губы и оглянулась на своих спутниц будто за помощью. А когда она снова посмотрела на Дэша, он улыбнулся ей. Эта улыбка обычно впутывала его в неприятности.

— Пиппин, — прошептала она, снова оглянувшись на Джозефину, которая выпытывала у Темпла и Клифтона новости с континента.

— Значит, Пиппин? — мягко переспросил Дэш, не желая пугать ее, загипнотизированный нежным неуверенным светом в ее глазах. — Я дам тебе другое имя, достойное такой красивой леди. — Он похлопывал пальцем по губам. — Цирцея. Да, я буду звать тебя своей Цирцеей. Ты выманила меня на берег, как настоящая сирена.

Даже в темноте Дэш увидел, как она зарделась, услышал взволнованный вздох.

— Думаю, это неприлично.

Приличия? Он действительно попал впросак, в его душе зародилось дьявольское желание удостовериться, что эта мисс больше никогда не станет беспокоиться о такой чепухе.

Но что-то еще, что-то совершенно чуждое ему, убеждало, что она никогда не знала ничего иного, кроме безопасного и приличного существования. Дэш мгновенно задушил возникшую мысль. Представителям этого класса с благородными понятиями нет места в его мире.

— Неприлично? — расхохотался он больше над собой, чем над ней. — Неприлично, что последний мешок легче остальных. — Подняв мешок, Дэш побренчал монетами и повернулся к стоявшим на берегу: — Миледи, вы меня опять обманули?

Последний мешок действительно был легче.

Леди Джозефина вздрогнула, но у нее хватило выдержки не выдать себя.

— Дэш, я тебе больше ни пенса не заплачу.

Неудивительно, что она привела на берег парочку хорошеньких девиц. Отвлекшись, он не сообразил бы, что с ним не полностью расплатились.